

От автора	5
-----------------	---

Глава I. «Восточное» измерение деятельности советских спецслужб

Документы советских спецслужб о политическом состоянии СССР и его «восточных окраин» как источник по истории «внутреннего» и зарубежного Востока	11
Архивы Лубянки 1920-х годов о «внутреннем» и зарубежном Востоке: от тотальной секретности к максимальной открытости	24
«Восточные контрреволюционные центры» 1920–1930-х годов в СССР: идейные конструкты и политическая практика (по материалам ЦА ФСБ России)	33

Глава II. Казахстан и Северный Кавказ как объекты «восточно-окраинной» политики спецслужб

2.1. Казахстан

Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX века: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края	47
Движение «Алаш» в ряду советских «восточных» националистических организаций: взгляд с Лубянки 1920–1930-х годов	61
Оренбург как «центр восточной контрреволюции»: неизвестные страницы деятельности казахского национального движения «Алаш-Орда» в 1920-е годы	77
«В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву»	82
Рецензия на монографию Султан-Хана Аккулы «Алихан Букейхан»	106

2.2. Северный Кавказ

Москва – Грозный: проблемы советской модернизации Северного Кавказа в материалах советских спецслужб 1920-х годов	116
Этноконфессиональная ситуация в Чечне 1920-х годов: аналитический опыт спецслужб Советской России	132
Социально-экономическое развитие города Грозного в 1920-е годы в материалах ГПУ-ОГПУ СССР	142
К истории геополитического противостояния на Северном Кавказе	159
Реабилитация чеченского народа в 1950-е годы и особенности исполнения российского реабилитационного законодательства	161

Глава III. Афганская страница истории отечественной разведки и контрразведки

Документальные материалы Центрального архива ФСБ России по истории Афганистана 1920–1930-х годов	177
Представительство КГБ СССР в Афганистане 1978–1991 гг.: образование, специфика деятельности и результативность	188
Афганская война 1979–1989 годов в контексте современной борьбы с терроризмом: теоретические уроки и практические выводы	273

<i>Заключение</i>	284
-------------------------	-----

<i>Аннотированный биографический указатель</i>	287
--	-----

От автора

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать; время искать,
и время терять; время молчать, и время говорить.
Ветхий Завет. Книга Экклесиаста

Рождение этой книги во многом символично и отнюдь не случайно. Наверное, пришло время сказать и написать о том, почему Восток (в самом широком смысле этого понятия) определяет не только мою научную работу, но и траекторию жизни, переплетенную с нелегкой исторической судьбой нашей страны.

В 1983 г., оказавшись перед выбором: окунуться в сложную грамматику персидского языка и затем поехать на работу в такую далекую и непонятную страну, как Афганистан, или тихо отсидеться в Куйбышеве, я, не задумываясь, решил поехать в Москву: учиться на восточном направлении Института КГБ СССР (ныне Академия внешней разведки). В те годы я не мог и предположить, насколько долгим и тернистым будет мой путь в востоковедческую науку. В общей сложности мне пришлось провести в долгосрочной командировке в Афганистане более трех лет.

В командировке мне удалось поработать с документами правящей партии (Народно-демократической партии Афганистана), афганского правительства, национальной разведки и контрразведки, министерств обороны, иностранных дел, по делам племен и народностей. В 1988–1989 гг. я занимался переводом на русский язык документов афганского правительства, наиболее важных сообщений афганских газет и журналов. Практически ежедневно мне приходилось присутствовать в качестве переводчика на встречах руководства Представительства КГБ СССР в Афганистане с высокопоставленными чиновниками, общественными лидерами. Подготовка к таким встречам требовала больших усилий: хорошего знания афганских реалий и адекватного восприятия языка дари.

Ничто не предвещало превращения суровых военных афганских будней и тягот в привязанность, перешедшую в страсть, и стремление «открыть» для себя эту экзотическую страну «солнца и гор» и показать ее неординарность окружающим. Афганистан стал возвращаться ко мне в людях, документах, книгах, встречах и воспоминаниях, а рабочие материалы, накопившиеся за годы работы там, стали важным источником информации о стране и Среднем Востоке.

Со временем все больше погружаясь в теорию востоковедческих, археографических исследований, занимаясь историей отечественных спецслужб, прислушиваясь к своему практическому опыту, я стал чаще задумываться о том, какие инструменты познания незападных стран использовались отечественными политиками, какие восточные образы преследовали, пугая или восхищая, наших предшественников. Я отдаю себе отчет в том, что данная работа являет собой лишь один из шагов на пути к ответу на эти и иные вопросы.

Уверен, что книга появляется в свое время. Учитывая современный политический «поворот на Восток» и звучащие в устах экспертов и общественных деятелей призывы к массовой подготовке специалистов-востоковедов, способных помочь в его осуществлении, думаю, она будет востребована. Мне как исследователю очевидно, что спектр сложных тем, волновавших отечественную контрразведку в отношении «своего» и «чужого» Востока, во многом неизменен. Игнорировать опыт наших предшественников было бы ошибкой.

Нужно упомянуть о том, что изучение «восточного» дискурса советской политики отечественные историки начали с 2000-х годов. Особо отмечу фигуру профессора МГУ Д.Ю. Арапова (1943–2015), который впервые опубликовал и профессионально прокомментировал корпус материалов Восточного отдела ГПУ-ОГПУ. Хочется верить, что вслед за данной публикацией российские востоковеды продолжат разрабатывать эту интересную, но малоизвестную тему.

Монография представляет собой цикл опубликованных материалов, написанных в 2014–2019 гг. Тематически они разбиты на три главы, главы – на разделы, хронологически

затрагивающие период с начала XX века до конца 1980-х годов.

Первые две главы освещают теоретические и практические подходы в работе отечественных спецслужб в отношении тюрко-мусульманского населения Российской империи – СССР. Незначительный отход от советских реалий и экскурс в имперскую эпоху (см. раздел «Казахстан» главы II) понадобился нам для более обстоятельного анализа проблемы теоретической и практической преемственности/разрыва «восточной» политики государства.

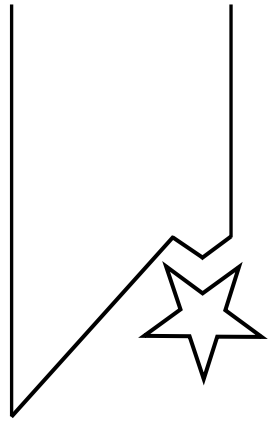
В первой главе нашли свое отражение уникальные сюжеты, практически не освещенные в российской и зарубежной историографии: общие формы и методы взаимодействия Восточного отдела ГПУ-ОГПУ с «восточными окраинами» и «внутренними мусульманами». Вторая глава демонстрирует конкретику деятельности советской контрразведки на территории тогдашней Казахской АССР и на Северном Кавказе. Третья – переносит нас на «зарубежный» Восток, на афганскую землю, которая на всем протяжении XX века предстает перед нами как объект соперничества ведущих разведок мира.

Приподнимающие занавес над загадочным миром имперской и советской контрразведки уникальные архивные документы, дают читателю возможность почувствовать свою сопричастность процессу анализа информации о восточных народностях, показывают кухню, на которой приготавливались информационно-аналитические «блюда» для политической элиты того времени.

Источниковую базу монографии составляют оригинальные, ранее не публиковавшиеся, архивные документы. Учитывая специфику моей профессиональной деятельности, я опираюсь на материалы Центрального архива ФСБ России, Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, государственных архивов в субъектах Российской Федерации (Казани, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Симферополе, Уфе), позволяющие осветить круг обозначенных проблем.

Выражаю искреннюю благодарность за помощь, оказанную в процессе подготовки рукописи к печати, Ю.Н. Гусевой, С.Ю. Крючковой, Л.А. Фасаховой.

После возвращения из Афганистана мое путешествие по Востоку не закончилось: последовала череда поездок в Казахстан, Туркмению, Узбекистан, Башкирию, Крым, Татарию. И я приглашаю уважаемого читателя продолжить путешествие вместе...

ГЛАВА I

«ВОСТОЧНОЕ» ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Документы советских спецслужб о политическом состоянии СССР

и его «восточных окраин» как источник по истории
«внутреннего» и зарубежного Востока¹

Сложная военно-политическая обстановка, сложившаяся в начале 1920-х годов в Средней Азии и на Северном Кавказе, в Крыму, Татарии, Башкирии, Казахстане, а также в сопредельных с Россией (СССР) странах – Афганистане, Иране и Турции, требовали поиска решения сложных задач по обеспечению геополитических интересов нашей страны на «собственном» и зарубежном Востоке. Более четырех лет потребовалось большевистскому руководству для организационного оформления системы контрразведывательной и разведывательной работы среди населения «восточных окраин» и в странах Среднего Востока, системы, претендовавшей на выработку специфических методов и практик в работе с нерусским населением СССР и сопредельных восточных стран, на сбор и нетривиальный анализ данных об объекте своего интереса.

На основе анализа архивных документов и проведенных ранее научных исследований мы попытаемся ответить на вопрос, каким было политическое состояние СССР и его восточных окраин в 1920-е годы?

Историография, посвященная «восточному вектору» деятельности советских спецслужб, небогата. Существенный вклад в изучение деятельности отечественных органов безопасности на «восточном направлении», введение в научный оборот документов Восточного отдела внесли известные российские ученые Д.Ю. Арапов² и Ю.Н. Гусева³.

¹ *Опубликовано:* Труды Института востоковедения РАН, Вып. 17. Архивное востоковедение (материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

² *Арапов Д.Ю., Косач Г.Г.* Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.; Н. Новгород, 2007. 130 с.

³ *Гусева Ю.Н.* Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья): монография. Самара, 2013. 416 с.

Архивные документы Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (неопубликованные и опубликованные) составили источниковую основу проведенного автором исследования. К неопубликованным документам Центрального архива ФСБ России относятся материалы Восточного отдела ГПУ-ОГПУ: «обзоры положений на восточных окраинах и в сопредельных с ними странах» (1922–1925); информационные сводки и аналитические записки по Средней Азии, Крыму, Северному Кавказу, по «контрреволюционным организациям» Кавказа, Туркестана и Крыма⁴.

Часть материалов, содержащихся в «восточных» обзорах, включалась в готовившиеся Информационным отделом ОГПУ для высшего руководства страны «ежемесячные обзоры политического и экономического положения» РСФСР (1922) и СССР (1923–1930)⁵. Они формировались ИНФО ГПУ-ОГПУ на основании данных госинформации и дополнялись материалами других подразделений: «Секретного (антисоветские партии и группировки, духовенство, интеллигенция), Особого (Красная армия), Контрразведывательного и Восточного (бандитизм), Транспортного (железнодорожные рабочие) отделов»⁶.

Сформированный в составе Секретно-политического управления Государственного политического управления⁷ (ГПУ), занимавшегося разработкой антисоветских политиче-

⁴ Сводки готовились в количестве от 9 до 15 экземпляров и направлялись: в НКВД – Карахану; руководству ОГПУ (Менжинскому, Ягоде); начальнику Восточного отдела; а также в ПП ОГПУ Башкирии, Крыма, Татарии, СКК, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 1–148.

⁶ *Виноградов В.К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1. 1922–1923 гг. Ч. 1. С. 31–73.

⁷ Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. в связи с образованием в 1922 г. СССР ГПУ при НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). В 1934 г. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР.

ских партий и организаций, Восточный отдел развернул бурную деятельность в сфере борьбы с «восточной контрреволюцией и восточным шпионажем» в Туркестане, Казахстане, на Кавказе, в Башкирской, Татарской и Крымской автономных республиках, а также ставил целью своей работы противодействие местным «национально-религиозным контрреволюционным проявлениям», борьбу со шпионажем восточных государств (Афганистан, Иран, Турция). Именно Восточному отделу была поручена разработка всего материала, получаемого закордонной частью Иностранного отдела (внешняя разведка, ИНО ГПУ-ОГПУ) из стран Востока, с правом давать ему соответствующие обязательные к исполнению оперативные задания⁸.

Восточный отдел функционировал в системе органов ГПУ-ОГПУ на протяжении восьми лет с 1922 по 1930 г. Это был сложный период становления советской власти в южных и восточных областях СССР, борьбы с сопротивлением элит в Средней Азии, решения политических и дипломатических задач по налаживанию отношений с государствами Востока.

Основным объектом внимания ВО ГПУ-ОГПУ и восточных отделов-отделений («восточных» уполномоченных) ПП ГПУ в регионах компактного проживания мусульман было национально-религиозное движение в среде нерусских народов, подавляющее большинство которых исповедовало ислам. Однако использовать востоковедческие знания имперского периода советские контрразведчики не могли по идейным соображениям: фактически им предстояло создать свою собственную «науку» о Востоке. Не случайно, что одной из ключевых задач, поставленных руководителем отдела

⁸ Более подробно о создании и деятельности Восточного отдела ГПУ-ОГПУ см.: *Карташов А.А.* Восточное направление в деятельности ВЧК-ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания: сборник статей и документов. М., 2017. С. 349–364; *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: сборник статей и материалов. М., 2013. С. 202–209.

Я.Х. Петерсом⁹ в первых циркулярных указаниях, было изучение различных общественных, религиозных и светских течений и группировок в среде нерусских народов, аккумуляция всех видов информации о них.

В разделе мы рассмотрим, какие виды документов Восточного отдела в настоящее время доступны исследователям, какая проблематика в них доминирует. В результате обозначим их познавательный потенциал для изучения истории России XX века, истории советской ориенталистики.

Первую большую группу документов представляют нормативно-распорядительные документы: приказы ГПУ-ОГПУ по направлениям деятельности, циркулярные указания, директивы, ориентировки ВО ОГПУ.

В общей массе своей они касались сюжетов деятельности мусульманского духовенства, татарских национальных группировок и организаций (всего того, что в лексиконе советских спецслужб именовалось «национально-религиозная контрреволюция»).

Среди рассматриваемой группы документов целесообразно выделить указания Восточного отдела ГПУ-ОГПУ местным органам по вопросам борьбы между прогрессивной (джадидами) и традиционно настроенной частями мусульманского духовенства в Центральном духовном управлении (ЦДУ), дискуссий внутри ЦДУ о равноправии женщин и отношении к свержению халифа¹⁰ в Турции, усилению влияния мусульманского духовенства¹¹, проведения кампании среди мусульманского духовенства за полное уничтожение халифатских институтов, направления сведений о

⁹ Информацию о Я.Х. Петерсе и других персоналиях см. в разделе «Аннотированный биографический указатель» издания.

¹⁰ Халиф – в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, соединяющего духовную и светскую власть. 3 марта 1924 г. Мустафа Кемаль подписал указ об упразднении халифата в Турции и приказал правителю Стамбула вынести решение о выдворении из Турции халифа Абдульмаджида до утра следующего дня.

¹¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране 1922–1934. М., 2001. Т. 2. 1924 г. С. 53, 88, 110, 159.

деятельности татарских националистических группировок и духовенства¹².

Несомненный интерес для исследователей представляют циркулярные письма¹³, подготовленные в ВО ГПУ и направленные в ПП ГПУ на места, в которых ставятся задачи «восточным органам ГПУ по приобретению и изучению материалов по истории национально-религиозного движения народов Востока», при этом подчеркивалось, что «литература, оставленная нам буржуазным строем... слишком тенденциозна». ВО ГПУ предлагал план, по которому следовало составлять исторические обзоры «национально-религиозного движения стран Востока», при этом фактический материал следовало освещать в материалистическом ключе¹⁴.

В циркулярных письмах сообщалась информация о намерении Турции при содействии Англии закрепить свое влияние на Кавказе, об итогах работы Тюркологического съезда (октябрь 1926) и настроениях интеллигенции после него, борьбе между латинистами и неоарабистами, а также об организации внутреннего осведомления среди мусульманского духовенства¹⁵.

Особый познавательный интерес представляют весьма информативные по своему содержанию «обзоры положения на восточных окраинах РСФСР-СССР и в сопредельных странах Востока», затрагивающие ситуацию на «восточных окраинах» СССР, в сопредельных государствах – Персии, Турции, Афганистане и других восточных странах. Перечень обнаруженных в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России) обзоров приведен в таблице 1.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656; Ф. 2. Оп. 1. Д. 677–678, 691; Оп. 5. Д. 326.

¹³ Более подробно см.: *Гусева Ю.Н.* Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // *Отечественные архивы.* 2018. № 2. С. 56–61.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189.

¹⁵ Там же; Ф. 2. Оп. 2. Д. 693; Оп. 3. Д. 526. Л. 19.

Данные об обзорах ВО ОГПУ
за период с 1922 по 1927 год

№ п/п	Наименование	За какой период составлен обзор
1	Обзор о положении Восточных окраин РСФСР и сопредельных стран к 1 июля 1922 года	январь – июнь 1922 г.
2	Обзор сопредельных стран Востока и внутри федеративных республик с мусульманским населением	июль 1922 г.
3	Обзор сопредельных стран Востока и внутри федеративных республик с мусульманским населением	сентябрь – октябрь 1922 г.
4	Обзор положения на Восточных окраинах СССР и в сопредельных с ними странах	ноябрь – декабрь 1922 г.
5	То же	январь – май 1923 г.
6	То же	июнь 1923 г.
7	То же	июнь – октябрь 1923 г.
8	То же	ноябрь – декабрь 1923 г. – 15 января 1924 г.
9	То же	с 16 января по 15 февраля 1924 г.
10	То же	с 15 февраля по 1 апреля 1924 г.
11	То же	с 1 апреля по 15 мая 1924 г.
12	То же	с 1 мая по 1 июня 1924 г.
13	То же	с 1 июня по 1 июля 1924 г.
14	То же	с 1 июля по 1 августа 1924 г.

15	То же	за август и сентябрь 1924 г.
б/н	Краткий информационный обзор о положении на Восточных окраинах СССР и сопредельных с ними странах	январь – июнь 1925 г.
б/н	Обзор ВО ОГПУ о политическом положении в национальных восточных республиках, о деятельности антисоветских партий и националистических группировок интеллигенции	июнь – июль 1927 г.

Из таблицы видно, что на деле Центр смог наладить систематический сбор и анализ информации только в последнем квартале 1924 г.: обзоры стали готовиться с определенной периодичностью, качество их подготовки также улучшилось.

Интересны разделы в обзорах, вводившиеся ВО ОГПУ. Так к странам Ближнего Востока ВО ОГПУ в обзорах № 5–8 относил: Турцию, Персию, Закавказье (Грузию, Армению, Азербайджан), Северный Кавказ, Горскую республику, Чечню и Дагестан. К странам Среднего Востока: Туркестанскую ССР, Бухарскую НССР, Хорезмскую НССР, Бурятию, Татарию, Киргизию, Афганистан¹⁶.

Обзоры не только не предназначались для открытой печати, но и внутри системы ОГПУ были документами ограниченного ознакомления. На всех обзорах, начиная с четвертого, в правом верхнем углу имелась пометка: «Поскольку обзоры ВО ГПУ, начиная с настоящего, являются сводкой разработок, как его самого, так и местных органов ГПУ, хранить их наравне с шифром, давая их для прочтения только особенно доверенным и ответственным сотрудникам»¹⁷. Знакомиться с ними мог весьма узкий круг людей. Так, обзор «О состоянии восточных окраин Союза на 20 июня 1926 го-

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 201, 237–273, 300–309, 317–326.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 201.

да» был составлен по заданию В.Р. Менжинского и предоставлен ему, а также разослан «товарищам по списку». В названный список входили полпреды ОГПУ по Закавказской, Узбекской и Туркменской ССР, Башкирской, Казахской, Крымской, Татарской АССР, Дальневосточного, Северокавказского и Сибирского краев.

То же самое можно сказать о ежемесячных обзорах политического и экономического состояния РСФСР-СССР. Ввиду совершенно секретного характера информации, обзоры надлежало хранить наравне с шифрами. Снимать копии с обзоров и делать из них выписки «не допускалось ни в коем случае». Начальники губернских отделов ОГПУ и ПП (Полномочного представительства) ОГПУ могли предоставлять их для прочтения секретарям обкомов, губкомов, краевых комитетов и бюро ЦК РКП, а также председателям губисполкомов и ЦИКов автономных республик¹⁸.

Особое внимание работников ВО ОГПУ также привлекали сюжеты о различных формах социальной активности мусульман в региональном и мировом масштабе (съезды Центрального духовного управления мусульман и мусульманские конгрессы за рубежом), о паломничестве в Мекку и антиваххабитской кампании на Востоке. Восточный отдел ОГПУ направлял в ПП ОГПУ указания контролировать составы делегатов на съезды, внедрять в их число своих людей, не допускать принятия съездами резолюций антиправительственного характера. Материалы об этом суммировались в виде сводок, сводных обзоров и докладов, докладных записок, направлявшихся партийно-государственному руководству, местным ПП, в Агитпроп и Антирелигиозную комиссию ЦК РКП(б)¹⁹.

Геополитические интересы Советского государства, обращенные на Восток и специфически преломленные в деятельности работников Восточного отдела, могут быть изуче-

¹⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 2. 1924 г. С. 39.

¹⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 725, 726, 727; Оп. 2. Д. 698; Оп. 4. Д. 398, 399; Оп. 5. Д. 329.

ны на основании его переписки с дипломатическими структурами. Интересен блок материалов, отражающих сюжет халифатизма: отношения российских мусульман и их лидеров к ликвидации халифата, ответной реакции спецслужб на эти события. В документах переписки с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) обозначены не только большевистские установки в отношении крупных идеологических конструктов типа «панисламизма», «пантюркизма», «панарабизма», нарождавшегося ваххабизма, но и проблемы сбора информации в странах Ближнего и Среднего Востока, взаимодействие с ведущими политическими силами и лидерами Аравии, Египта, Судана, Турции, Афганистана и Персии.

Вторую значительную по объему и важную по содержанию группу материалов составляет делопроизводственная документация: переписка Восточного отдела со структурными подразделениями ОГПУ в центре и на местах. Переписка ВО ОГПУ и ПП ОГПУ республик, областных и губернских отделов ОГПУ позволяет реконструировать политическую обстановку в каждом регионе, выявить общие тенденции ее развития в представлении работников спецслужб.

Нами выявлено наибольшее число документов, отражающих обмен мнениями сотрудников Восточного отдела с коллегами из Татарской и Башкирской АССР, а также из Северного Кавказа и Закавказья, Казахстана, в меньшей степени – из Средней Азии. Анализ их тематики позволяет сделать следующие выводы. В эпицентре внимания «восточных» контрразведчиков находилась разнообразная деятельность мусульманского духовенства – наиболее влиятельной социальной группы в среде «восточных» народов, которая преимущественно трактовалась как «панисламистская». Она могла приобретать и «националистический» оттенок, если религиозные лидеры в силу разных причин шли на контакт с социально активными представителями национальных элит.

Рассматривая региональную сюжетную специфику подобных материалов, отметим, что в переписке ВО ОГПУ с ПП по юго-востоку и Северо-Кавказскому краю большое место уделялось обстановке на юго-востоке России, политико-экономическом положении Горской республики, деятельности

националистических панисламистских партий и группировок, борьбе с бандитизмом, разработке мусульманского духовенства на территории Северного Кавказа и Дагестана, Карачаево-Черкесской автономной области, Кабардино-Балкарской автономной области, о разработке иттихадистских (партия «Иттихад-Ислам») и других националистических группировок, разработке бехаистских организаций, групп и ячеек в Дагестане, контрреволюционных и бандитских элементов на Северном Кавказе. В сводках ПП ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестана приводятся характеристики низового советского аппарата, данные о деятельности мусульманского духовенства, шейхизме и мюридизме в Дагестане и Чечено-Ингушетии, национальном движении в Чечне и «основных моментах мусульманской религии», деятельности кулацко-антисоветского элемента и мусульманского духовенства в Дагестане и национальных областях Северо-Кавказского края. Историческое значение имеет обзор ПП ОГПУ Дагестана от 17 ноября 1930 г. по делу ликвидированной контрреволюционной панисламистской организации «Урватул-Вуска»²⁰.

В переписке ВО ОГПУ с подразделениями ОГПУ Волго-Уральский регион выделяется обилием документов (докладов и сводок) о политическом положении в Татарии и Башкирии, деятельности татарских и башкирских националистов и мусульманского духовенства, ваисовском движении, восстании в Мензелинском и Чистопольском уездах, об активных деятелях панисламистского движения, религиозно-национальном движении среди татар²¹.

Особый интерес в делопроизводственных документах представляют характеристики заметных фигур российского мусульманства, приводимые сторонними наблюдателями, свидетельства их общения и сотрудничества с советскими чиновниками, например, материалы о взаимодействии М. Бигиева с работниками Восточного отдела ОГПУ.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68; Оп. 3. Д. 525, 539, 551, 552, 553, 554; Оп. 4. Д. 388; Оп. 7. Д. 677; Оп. 8. Д. 881; Оп. 11. Д. 1520.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661, 665–666, 683, 688–690; Оп. 6. Д. 428.

Документы свидетельствуют о том, что ВО ОГПУ очень внимательно следил за событиями, связанными с арестом М. Султан-Галиева, тщательно выявляя круг его потенциальных сторонников. Восточный отдел ОГПУ информировал советское руководство о деятельности султангалиевской татарской националистической организации в Москве, Татарии, Башкирии и Крыму, обращал внимание местных органов на активизацию националистических кругов, группирующихся вокруг Султан-Галиева. Итогом подобной активной деятельности стало раскрытие «контрреволюционной тюркской националистической организации», якобы возглавляемой бывшим представителем Татарской Республики при ВЦИК Султан-Галиевым²².

Местные органы ГПУ в Казахстане держали под постоянным контролем бывших алашордынцев, которые «по-прежнему критически относились к мероприятиям советской власти, но внешне скрывали свое настроение» о чем регулярно информировали Центр²³.

Причинами усиливающихся внутриродовых противоречий, национальной вражды и конфликтов между казахами и русскими были разногласия в вопросах землеустройства, рыбной ловли, пользования сенокосными полями и лесами. Враждебность между русскими и казахами приняла массовый характер²⁴. Национальная рознь между узбеками и киргизами, узбеками и русскими возникала на почве раздела земли и воды²⁵.

ПП ГПУ Крыма регулярно направляло в ОГПУ докладные записки и сообщения о деятельности татарских националистических группировок и мусульманского духовенства, армянских партий «Гнчак» и «Дашнак-Цутюн» на территории Крыма. Ценную информацию для востоковедов и исламоведов представляют переводы статей, подготовленных для

²² Там же. Оп. 5. Д. 312; Оп. 7, Д. 408; Оп. 8. Д. 531, Н-6169.

²³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране 1922–1934. М., 2001. Т. 2. 1924 г. С. 110.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 95–100.

²⁵ Там же. Л. 70–75, 97–100.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru